

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.873-887>
EDN: OUTWMT

УДК 398.223

РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ В ДАСТАНЕ «ИДЕГЕЙ»

Ф.М. Валиуллина

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
farida1@bk.ru*

Резюме. Цель исследования: анализ и систематизация религиозных мотивов в татарских вариантах эпоса «Идегей». Она нацелена на комплексное исследование религиозных мотивов в сравнительно-типологическом аспекте.

Материалы исследования: опубликованные и архивные татарские варианты эпоса «Идегей», исследования известных фольклористов, сведения из литературных и научных источников.

Научная новизна обусловлена тем, что на основе изучения существующих исследований и сравнительного анализа разных вариантов из архивных источников сделана попытка систематизации религиозных мотивов в дастане «Идегей».

Результаты исследования: в работе доказано, что по сравнению с мифологическим слоем, религиозный пласт в эпосе не так богат, но в целом даже та использованная и сохранившаяся часть имеет огромную смысловую нагрузку и художественно-эстетическую ценность.

В работе исследованы мотивы, показывающие отношение Токтамыш-хана, Идегея, Нурадына к религии и образы, связанные с культом ислама как Аллах, Газазил, ангелы, гурии и др. которые нашли отражение в эпосе. По мнению автора, в отличие от религиозных жанров, в особенности мунаджатов и баитов, в эпических произведениях религиозная идеология и религиозные мотивы не занимают такое большое место. Но тем не менее, во всех вариантах они встречаются в определенном объеме и выполняют значимую функциональную нагрузку. Религиозные мотивы не ограничиваются повествованием отношения людей той эпохи к религии, но и способствуют пониманию религиозно-философских и нравственных взглядов, показывают какое место занимала религия среди народных масс.

Ключевые слова: фольклор, народный эпос, ислам, религиозные мотивы, дастан, Идегей

Для цитирования: Валиуллина Ф.М. Религиозные мотивы в дастане «Идегей» // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 4. С. 873–887. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.873-887> EDN: OUTWMT

© Валиуллина Ф.М., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

RELIGIOUS MOTIVES IN THE DASTAN “IDEGEY”

F.M. Valiullina

Kazan (Volga region) Federal University

Kazan, Russian Federation

farida1@bk.ru

Abstract. The purpose of the study: An analysis and systematization of religious motives in the Tatar versions of the epos “Idegey”.

Research materials: The main sources are published and archival Tatar versions of the epos “Idegey”, research by famous folklorists, and information from literary and scientific sources.

The scientific novelty of the study arises from the fact that an attempt to systematize religious motives in the dastan “Idegey” was based on the study of existing research and a comparative analysis of different options from archival sources.

Research results: This work proves that, compared to the mythological layer, the religious layer of the epos is not so rich. In general, even the used and preserved part has an enormous semantic load and artistic and aesthetic value. The work explores motives showing the attitude of Toktamyskh Khan, Idegey, and Nuradyn to religion, and images associated with the cult of Islam such as Allah (Alla, Tengri), Ghazazil, angels, gurias, etc. According to the author, unlike religious genres, especially munajats and baits, religious ideology and motives do not occupy a large place in epic works. But they have a certain functional load. Religious motives are not limited to the narration of the people’s attitude of that era to religion; they also contribute to the understanding of religious, philosophical, and moral views while revealing what place religion occupied among the masses of that times.

Keywords: folklore, folk epic, Islam, religious motives, dastan, Idegey

For citation: Valiullina F.M. Religious motives in the dastan “Idegey”. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 4, pp. 873–887. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-4.873-887> (In Russian)

Дастан «Идегей» занимает важное место в эпическом наследии татарского народа. Такие исследователи, как В.М. Жирмунский [3; 4], П.М. Мелиоранский [13], А.Н. Самойлович [19] и другие исследователи посвятили свои труды собиранию и изучению национальных вариантов разных народов. Особый интерес вызывают более 25 татарских версий, дошедших до наших дней. Неоценимый вклад в сохранение и комплексное изучение татарских вариантов внесли Н. Исанбет [8], Н. Хаким¹, Х. Ярми [27], Ф.И. Урманчеев [22; 23; 24; 25]. Несмотря на непростую судьбу, переменчивые отношения в разные эпохи, поэтичность, содержательность и многозначность произведения всегда привлекали внимание тех или иных исследователей.

В последние десятилетия, в условиях изменений в обществе наблюдается возрождение научного интереса к религиозной составляющей. Вместе с этим активизировалась деятельность фольклористов в области сбора и изучения произведений, связанных с религиозной тематикой. В связи с этим в современной фольклористике стала актуальной проблемой исследование литературного наследия с новой точки зрения, назрела необходимость переоценки

¹ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф.52. Оп.1. Единица хранения 240.

использования и переосмысления значимости религиозных мотивов. Безусловно эти изменения проникли так же в литературу и научную сферу.

Как художественное отражение действительности, религиозное восприятие народа проявляется и в произведениях устного народного творчества. Следует отметить, что место религиозных мотивов в произведениях разных жанров сильно отличается. Это связано с особенностями того или иного жанра. А.Х. Садекова оценивает разделение определенной группы произведений в группу религиозного фольклора как «возможность правильного анализа и оценивания отдельных жанров» [16, с. 6].

В отличие от религиозных жанров, в особенности мунаджатов и баитов, в эпических произведениях религиозная идеология и религиозные мотивы не занимают такое большое место. Как исключение можно рассматривать только дастаны «Кисекбаш» (XIII–XIV вв.) и «Джумджума султан» (XIV в). В то же время, примечателен тот факт, что ни в одном произведении полностью не отсутствуют религиозные мотивы. В историческом эпосе «Идегей» несмотря на запреты и «вевания» эпох они в определенной мере тоже сохранились.

Актуальность данного исследования определяется недостаточной изученностью религиозных мотивов в эпосе «Идегей», что требует систематизации и детализации материалов в данном аспекте. Основу работы составляют различные варианты, хранящиеся в архиве Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, такие как версии Н.Хакима², Н. Исанбета³, «Идеге дастаны»⁴, «Идеге батыр»⁵, «Иделби и Бодайби»⁶. Некоторые из них дошли до нас в виде фрагментов или отдельных эпизодов из текста. В данной статье применяются сравнительно-сопоставительные и историко-типологические методы исследования.

В процессе изучения разных татарских образцов было выявлено, что религиозные мотивы использованы в них в разном объеме и имеют определенную функциональную нагрузку. Вслед за М.Б Каменовой под религиозными мотивами мы рассматриваем «все то, что относится к истории ислама, его вере, включая и коранические мотивы и образы» [10, с. 27]. В статье была сделана попытка анализа и систематизации данных мотивов по нескольким аспектам.

В татарских версиях эпоса «Идегей» отсутствуют эпизоды, где дается полное описание религиозных обычаев, процесс чтения намаза, пост, действия, связанные с рождением или смертью человека или восхваление Аллаха, присущее поэтам золотоордынского периода. Религиозные мотивы в дастане мы, в основном, рассматриваем только исходя из отдельных реплик героев и их отношения к религии.

В первый блок исследования были объединены мотивы, показывающие отношение главных героев к религии. По сюжету эпоса Токтамыш-хан, Идегей, Нурадын и др. являются приверженцами ислама. «Ислам сыграл важную роль в становлении и развитии государственности Золотой Орды. Средневековые арабские летописи и записки путешественников, самостоятельно посе-

² ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф.52. Оп.1. Единица хранения 240.

³ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф.52. Оп.1. Единица хранения 219, 219 а.

⁴ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф.52. Оп.1. Единица хранения 176, 177.

⁵ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф.52. Оп.1. Единица хранения 198.

⁶ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф.52. Оп.1. Единица хранения 189.

тивших Золотую Орду, содержат достаточное количество сведений о проникновении ислама в золотоордынское общество и утверждении в нем его позиций» [17, с. 689-702]. Несмотря на то, что в произведении нет информации о том, насколько сильно герои придерживаются постулатов религии, соблюдают каноны Корана, в их речи часто встречаются слова Тенгри, Ходай, Аллах. Эти реплики и некоторые другие религиозные мотивы дают почву для изучения данного вопроса.

В первую очередь, рассмотрим образ главного героя, Идегея. В исторических источниках сохранилась информация, что он был религиозным человеком, четко выполняющим каноны ислама. Ибн Арабшах дал следующее описание: «Постился, и по ночам, вставал (на молитву), держался за полы шариата, сделав Коран и Сунну да изречение мудрецов посредником между собой и Аллахом Всевышним» [21, с. 474].

«Главный постулат ислама – поклонение единому Богу, творцу всего сущего и равенство всех людей перед Творцом» [16, с. 59]. Главные герои эпоса Идегей, Токтамыш-хан и др. в сложные периоды обращаются к Аллаху. В их речи часто повторяются фразы «Алла бирсә», «Ходай кушса», «Тәнре бирсә»:

«Падишаһлык сөрә алмам,
Алла үземә бирмәсә»
[7, с. 76].

Я не смогу править страной,
Если Аллах самому не даст
(перевод – Ф.В.).

Идегей верит, что любые события происходят или не происходят только по воле Аллаха. Основной мотив, пронизывающий Коран – всемогущество Аллаха подчеркивается фразами главных героев:

«Бу киткәннән китмәсәм,
Киң чүлләрне үтмәсәм,
Ходай миңа юл биреп,
Шаһ Тимергә житмәсәм
.....
Баба Төкләс бабам биргән,
Идегәй атым корысын»
[7, с.80–81].

«Если свой не закончу путь
Не проеду в просторных степях
Если меня покинет Аллах
Тимир не станет мне помогать
.....
Пусть тогда заглохнет навек
Имя данное мне: Идегей»
[6, с. 78–79].

Интересен тот факт, если Идегей совершает свои деяния обращаясь к Аллаху, то же самое значение на языке его сына Нурадына в татарском варианте Н. Исанбета дается в форме «Тәнре кушса», «Тәнре бирсә» [8, с. 74].

Как мы видим, в дастане слова «Тәнре», «Алла», «Ходай Тәгалә» используются параллельно и имеют одинаковое значение «Аллах». В то же время, следует отметить, что в разных версиях отличается частота использования этих слов. Для сравнения: в варианте Н. Ханзафарова «Идеге батыр» «Тәнре» и «Алла» использованы по одному разу, «Ходай» – встречается 6 раз; в варианте Н. Хакима «Тәнре, Алла» по 3 раза, Ходай – 5 раз, а у Н. Исанбета «Тәнре» – 8, «Алла» –12, «Ходай» – использовано 4 раза. Возможно это связано со временем и местностью записи этих вариантов.

«В Коране нет имен «Тәнре» и «Ходай». Первое из этих слов из древнетюркского, второе из персидского языка. Алла, Аллах, Аллаһы Тәгалә – в арабском языке означает «божество, божественное существо». В словарях

дается такое определение: «Алла, Аллах – имя всевышнего истинного Бога, оно произошло от внесения артикля «аль» к слову «илиях», которое означает «бог, божество. «Хода, Ходай (перс. – высшая сила, хозяин), Бог – употребляются в тюркских языках в том же смысле, что и слово Аллах. После принятия ислама для выражения понятия «Бог» на тюркском языке использовались как слово «Ода» (Ходай), означающее «Бог неба», так и слово «Алла», означающее «правитель всего мира» [9, с. 151–152].

Образ «Тенгри» упоминается в древних Орхоно-Енисейских письменных источниках. Это божество, которое создает все. Древние тюрки привыше всего ценят огонь, и поклонялись Тенгри, создателю неба и земли.

Фраза «Тэнре язган» встречающаяся в древних эпитафиях в эпосе использовано в форме «Тэнре хөкеме». Токтамыш-хан приказывает уничтожить все потомство Кутлукья бия, но по воле Всевышнего это не осуществляется:

«Хан боерыгы үткэндэ
Тэнредэн узып китмэде.

.....
Ханның айткән сүзе үлде.
Берәве үлде, берәү калды,
Тэнре хөкеме бу иде» [7, б. 20].

«Ханский приказ по земле пошел
... Дальше Бога приказ не дошел.

.....
Вместо него умер другой.
Умер ханский приказ
Бог невинного спас»[6, с. 18].

Все равны перед Творцом. Никто, ничто не сможет свершиться без его покровительства. Идегей-Кобогыл остается живым только по воле Всевышнего.

Рождением, жизнью и смертью человека управляет верхнее божество. Судьба каждого предначертана свыше. Так как «Аллах» хозяин человеческих судеб, то все исходит от него. Поэтому Идегей, Токтамыш хан, Нурадын часто произносят фразу «Алла үземә биргэндэ» («Когда Аллах даст самому»). Эти фразы показывают, что все действия герои совершают под покровительством Всевышнего, но так же будучи уверенными в своих силах. В отличие от дастанов о любви, где герои часто обращаются к «Аллаху» с какими-либо просьбами, в героических дастанах отсутствует такое обращение. И фраза «Алла биргэндэ» употребляется как устойчивая формула религиозного фольклора. В устах Нурадына она звучит как «Тэнре үзе биргэне». Все блага и все материальные богатства даны «Тэнре». Понятие Тенгри под влиянием ислама трансформировались. И слово «Тенгри» стало синонимом слова «Творец», являлось отражением обращения к Аллаху и своеобразным эквивалентом.

На основании этих примеров можно утверждать, что упоминание в разных вариантах имен и частые обращения к верхнему Божеству используется как традиционная лексика. В своем исследовании «Идеология ислама и татарское народное творчество» об этой особенности литературных произведений отмечает А.Х. Садекова [16, с. 67]. В эпосе данная лексика использована для обозначения таких параметров ислама, как образ жизни, политико-экономические отношения и т.д.

В жизни народа, в литературных произведениях понятия гөнаһ (грех), язык, язмыш (судьба), тәкъдир (предопределение) всегда находятся рядом. Такие татарские пословицы и поговорки «Язмыштан узмыш юк» (Перевод: «От судьбы не уйдешь»), «Язмышың маңгаңа язылган» (Перевод: «Судьба

написана на лбу») являются подтверждением этому. Эпические герои так же раскрываются во взаимосвязи с данными понятиями.

В центре золотоордынской литературы находится человек и его ответственность за свои поступки. Это восходит своими корнями в Коранические основы. Весь Коран пронизан гуманистическими идеями. Несоблюдение постулатов Корана является большим грехом. Грех – как религиозное понятие означает несоблюдение религиозно-нравственных канонов, Божьего слова, условий Корана. За эти деяния человека ожидают муки ада. В суре ал-Бакара (2:35) в Коране описывается как Адам и Ева проживают в раю. Но поддавшись влиянию змеи (Иблиса) съедают запретное яблоко и становятся грешными и подвергаются изгнанию из рая [12, с. 7]. Совершение греха – неотъемлемое качество человеческих существ. Человеческая психология устроена таким образом, что люди часто совершают плохие поступки, зная что этого нельзя делать. Несмотря на мифологические корни, герои эпоса «Идегей» тоже являются человеческими существами и им не чужда грешность. Хотя относительно исторического Идегея существуют вполне противоречивое мнение, примечательно, что эпический образ довольно-таки идеализирован, поэтому относительно его деяний не используются слова «грех» или «язык». Это бы противоречило эпическим традициям. Глубокий смысл, главная идея эпоса не высказана открыто, а красной нитью в подтекстовой форме проходит через все произведение.

По религиозным понятиям, убийство человека, особенно людей такого же вероисповедания считается одним из больших грехов. В эпосе по эпическим традициям, под знаменем героизма дана свобода многим деяниям. В произведении на первый план выходит не религиозность героя, а его эпичность. Но тем не менее, каждое преступление должно быть наказано. Главная причина распада Золотой Орды в том, что такие личности, как Токтамышхан, Идегей, Аксак Тимур забыли про священные понятия как материнские молоко и дошли до кровопролития и уничтожения друг-друга. Ислам – религия мира. Несмотря на то, что Идегей представлен в образе эпического героя и его поступки оцениваются с точки зрения героизма, в реальности они далеки от общегуманистических нравственных идей. Но эпическим героям необходимы именно такие героические поступки и фольклорное произведение не является религиозным трактатом.

Понятия грех/»гөнаһ», судьба/» язмыш» в эпосе ярко используются относительно сына Идегея Нурадына, который в силу своей вспыльчивости совершает несколько грешных поступков. Во-первых, он поднимает руку на своего отца, выбивает глаз. Во-вторых, вынуждает отца уйти в изгнание, не прислушивается к наставлениям матери. Большой грех – обидеть родителей. Ребенок всю свою жизнь в долгу перед ними. В ответ на бессмысленные деяния Нурадына Идегей реагирует следующим образом:

«Күзем орып чыгардын,
Кайда барып уңарсын?
Кайда бер барсаң, тыңарсың?
Языгы белән гөнаһысын,
Кайда ла барып йоларсың?»
[7, с. 196].

«....Выбил мой глаз!
Где же счастье найдешь сейчас?
Где ты покой найдешь для души?
От позора и от греха
Как ты душу очистишь, скажи?»
[6, с. 192].

Разгневанный Нурадын не боится быть грешным. Он думает, что легко можно замолить все свои грехи:

«Тэңре өе Кэгъбэне
Бер эйлэнсэм, уңармын,
Өч эйлэнсэм, тынармын.
Языгы белэн гөнаһысын
Жиде эйлэнсэм, йолармын!»
[7, с. 197].

«...То Каабу, обитель Творца
Троекратно я обойду,
Божьему подвластный суду,
Семикратно я обойду
И душевный покой найду,
Тяжкий грех я смою с себя» [6, с. 194].

Хотя на первый взгляд, все кажется легко и просто, ему не удастся очиститься от своего греха. Нурадын долгое время блуждает в степях и возвращается с тем же тяжелым душевным грузом.

В данном отрывке так же следует обратить еще на один религиозный мотив – дом Тенгри. Кааба – священное место для мусульман, первое сооружение, возведенное для поклонения Творцу⁷. Данный мотив широко распространен и в других жанрах устного народного творчества, особенно в мунаджатах.

«Сэхэр вакыты, таң алдында,
Жирнең йөзе нурга тулды.
Һәр мәхлүкләр хэйран булды.
Кэгъбэдәге биек потлар,
Жиргә төште, һәлак булды»
[16, с. 111].

Перед рассветом,
Лицо Земли наполнилось светом.
Каждое создание было потрясено.
Высокие идолы Каабы
Спустились на Землю, погибли.

В эпосе слово «гөнаһ» (грех) еще раз встречается в эпизоде, связанном с младенцем:

«Гөнаһсыз сабый баланың
Бишектә каны акканда
Пирем, анда кайда иден?»
[7, с. 134].

«Кровь младенца из люльки текла, –
Где во время этого зла,
Где, мой наставник, тогда ты был?»
[6, с. 134].

Так отвечает Идегей вопросом на просьбу пира. В этих строках кроется мысль, что человек появляется на свет безгрешным, и на протяжении жизни своими поступками собирает грехи. «Непогрешим один Аллах» [6, с. 68]. Всем человеческим созданиям присуща греховность. Пир Галяттин, уговаривая Идегея вернуться, призывает его простить свои грехи.

Изучение образа пира Галяттина дает возможность выделить следующий блок – религиозные мотивы, связанные с суфизмом. Ислам, как и любая другая религия, прежде всего имеет воспитательный потенциал. Духовно-интеллектуальная элита во все времена считалась одной из почитаемых среди татарского народа. Пир Галяттин – наставник и учитель. В эпосе он «илчеләрнең мулласы» – главный среди всех послов. Есть основание, что будучи верующим человеком, именно он дал Идегею религиозное образование и внес огромный вклад в воспитание его как личности. Пир Галяттин пропо-

⁷ В Коране написано, что основоположниками Каабы были Исмаил и его отец Ибрагим (2:125) [12, с. 18].

ведник ислама, нравственности. Выделяя самым худшим деянием для человечества непризнание Творца, он призывает к единобожию, соблюдению правил Корана, чтению намаза и ставит ситуацию, когда государство без правителя на одну ступень с безбожьем:

«Бер дигэч тэ, ни яман?
Ходаны белмэс – ул яман» [7, с. 207].

«Хуже худшего что на земле?
Отрицанье, что Бог един» [6, с. 204].

В варианте Н. Хакима в качестве посла направляют муллу. Его имя в эпосе не указано. Он высказывает такие же слова Нурадыну, делая ударение на том, что самое худшее это непризнание единого Бога и не соблюдение всех религиозных постулатов. Как бы убедительно не звучали эти слова из уст уважаемых людей, главный герой не сворачивает со своего пути.

Описание учителя Идегея, муллу Галяттина как «пир» привлекает внимание, с точки зрения оценки религиозных мотивов. Пиризм – понятие, связанное с суфизмом. В Средней Азии широко распространилась тенденция, когда давали имя «пир» представителям мусульманского духовенства. Он считался самой высокой степенью религиозности.

Суфизм, как чрезвычайно многогранное и неоднородное движение, представляет сложную по своей форме и содержанию структуру. «Сложность во многом заключается в том, что в каждом исламском регионе суфийская идеология и ее институты имели свои особенности, обусловленные уровнем социально-политического развития данного региона в период появления там ислама, этноконфессиональными характеристиками, спецификой культурного субстрата и др.» [16, с. 7]. В Золотой Орде суфизм постепенно приобрел легитимность, правители проявляли интерес к суфиям, благосклонно относились к ним. «В тарханном ярлыке хана Тимур-Кутлука суфии упоминаются в одном ряду с другими духовными наставниками (кадиями, муфтиями, шейхами)» [18, с. 52].

В татарских вариантах эпоса так же встречаются строки, когда Идегея называют «елкылар пире» (пир лошадей). Судя по легендам, он понимал язык лошадей. У кочевников он до сих пор числится как «елкылар пире» и чтобы вылечить лошадь, совершали некий обряд: в отдельном месте размещали кол назвав его «Идегэй зираты» (кладбище Идегея) и обходили по кругу данное место [8, с. 5]. Примечательно, что в произведениях устного народного творчества, доисламские и исламские религиозные мотивы плавно переплетаются.

Н. Исанбет дает описание пиру как «старец, руководитель, шейх». Прадед Идегея Баба Тукляс был «Әүлияләр пире» (пиром святых) [7, с. 18]. В эпосе «пир» относительно Баба Тукляса и Галяттина использовано во взаимосвязи с религиозностью, а Джантимеру и Идегею больше подходит значение «главный», «руководитель». В любом случае, пиризм – это знак почета, признания, дань уважения. Использование этого определения относительно Идегея это еще один фактор, доказывающий уважение народа.

Несмотря на то, что Пир Галяттин был преверженцем суфизма и воспитывал Идегея в этом духе, Идегей не совершает действия только подчиняясь воле Аллаха, наоборот, часто его поступки далеки от религиозных правил. В данном случае эпический герой выходит за рамки дервиша-суфи и привлека-

ет больше внимания как политический деятель. Отчуждение от идеалов и нравственных ценностей приводит к трагическим результатам в конце эпоса.

Символы, связанные с религией и суфизмом больше места занимают в варианте Н. Ханзафарова. Данная версия отличается обилием религиозных и национально-мифологических мотивов. С первых строк начинается повествование суфи: «Борын заманнарда гаять тэква бер суфи адэм бар иде». (Перевод: «В давние времена был очень религиозный человек»). Далее, каждый шаг этого образа связано с Ходай. Он был очень богатым, Бог принимал все его пожелания, давал все, что просил. ... Однажды перед сном он совершил омовение и прочитал намаз. Попросил Бога, чтобы он подал какой-нибудь знак, молился. Ночью он видит сон. Слышит голос издалека, который гласит: «Эй, человеческое создание, вставай и направляйся в сторону Каабы. Суфий встает и оставив все свое богатство на волю Творца, направляется в сторону Каабы⁸.

В данном отрывке много религиозных мотивов: омовение, чтение намаза, обращения к Богу, вера в единого Всевышнего, обращения с просьбой. По воле Всевышнего, что бы не пожелал суфий, все получает. «Взаимосвязь Аллах – человек непрерывна и неразрывна, все от него и к нему» [16, с. 62].

Суть понимания отношения к религии того или иного персонажа определяется в первую очередь степенью его веры. Главный атрибут ислама – иман, вера. «Вера – это убежденность в том, что сверхъестественные существа действительно существуют и что жизнь и события в мире происходят по воле этих обстоятельств. Такая вера является основным признаком религиозного сознания» [9, с. 54].

Основная черта средневековой литературы это религиозность, признание Аллаха абсолютным образцом мудрости, справедливости, красоты, власти. Некоторые качества Аллаха нашли отражение и в эпосе:

«Синең улың Норадын,
Алла гаделдер,
Һич бирмәде морадын»
[8, с. 73].

Твой сын Нурадын
Аллах справедлив,
Не дал ему совершить желаемое
(перевод – Ф.В.).

Так же в эпосе повествуется и о щедрости Аллаха: «Алла юмарттыр, Аңар бирде морадын» («Аллах щедр, Ему дал желаемое») [7, с. 179].

По верованиям мусульман Аллах не только обладает абсолютными качествами, но и имеет право вынести приговор. Перед началом чего-то нового в речи народа часто звучат фразы «Аллага тапшырдым» (Передаю Аллаху), «Ходайга (Тәңре хөкеменә) тапшырдым» (передаю воле Тенгри (Ходай). Во время засады, оказавшись в сложной ситуации, Токтамыш-хан тоже полагается на волю Всевышнего:

«Азамат ир Туктамыш,
Унике ире алдында,
Тугыз ире артында
Туксан башлы Урдасын,
Тәңре хөкеменә тапшырып,
Дәрвазасын яптырып,
Шәһәрәнә кереп камалды»
[7, с. 150].

«Токтамыш и вся его знать
Бегством кончили этот бой,
Уповая на Божий суд,
В стольном граде нашли приют,
Заперли врата за собой» [6, с. 149].

⁸ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф.52. Оп.1. Единица хранения 198.

В каких только чрезвычайных ситуациях не оказался бы человек, вера в Аллаха дает ему силы идти вперед, преодолевать все сложности:

«Аллам иям иш булса, Унөч ел үтте дигендэ Янэ кайтып килермен» [7, с. 170].	«Если поможет мне Аллах, Когда минут тринадцать лет, Снова обратно я вернусь» [6, с. 170].
--	--

В данных примерах слова «Алла-иям» заслуживают отдельного внимания. Под влиянием Ислама многие творцы называют себя «Алла колы» (Раб Аллаха) и берут соответствующие псевдонимы (Кул Гали, Мауля Колий и др), и в свои произведения добавляют строки для подтверждения этой мысли. Данные строки в эпосе подтверждают веру и подчинение Нурадына воле Аллаха.

В следующую группу можно выделить религиозные мотивы, связанные с обрядами и обычаями: при наречении имени после рождения, повзрослев создание семьи (никах), обычаи погребения и т.д. В эпосе тоже есть упоминания про некоторые из них.

Обычаи и обряды, относящиеся к рождению ребенка, описываются в эпизодах, связанных с Нурадыном. При описании того, как Идегей отмечает рождение сына, были использованы такие фразы, как «шесть дней пировал, угощал ученых», «кормил детей-сирот»:

«Гарэби китап укыган Галиминэн мэгнэ сораттым, Кочаклап Корьэн укыган Мулладан мэгнэ сораттым» [7, с. 197].	Он спросил значение у ученых, Читавших книги на арабском Он спросил значение у мулл, Читавших, с упоением, Коран.
---	--

В переведенном варианте С. Липкина говорится, что Идегей сам дает имя ребенку и отдает его «в учење мулле, ... Что в обнимку с Кораном спит» [6, с. 193]. По религиозным убеждениям, очень важно дать ребенку имя со смысловым значением. Имя определяет судьбу человека, поэтому родители должны серьезно относиться к его выбору. По сюжету эпоса, Идегей подходит к этому вопросу со всей ответственностью, уточняя значение у ученых, мудрых людей, знающих Коран.

В отличие от других вариантов, в версии Н. Хакима есть эпизод, привлекающий внимание исследователей. Там есть строки о самоубийстве Идегея:

«Тапшырылдым, Ходай, үзеңә,

ни кылсаң да, иркең үземә!» – дип әйтеп бетәр-бетмәстән, муйны өстендә кылыч ялтырады»⁹ (Перевод: Не успел он произнести слова «Отдаю себя Боже тебе, на все твоя воля!» – блеснул меч на шее). Самоубийство в исламе считается одним из страшных грехов. Данный шаг Идегея пробуждает недопонимание в душе. Последние минуты эпического героя, совершавшего героические поступки всю жизнь не должны быть такими.

Особое внимание привлекает использование художественно-выразительных средств с исламскими религиозными образами. Несмотря на то, что религиозные обряды не занимают много места в эпосе, в речи героев часто по-

⁹ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф.52. Оп.1. Единица хранения 240.

вторяются имена религиозных образов, эпитеты, сравнения. После скверного поступка сына, Идегей обращается с резкими словами:

«Газазил булмый ни булгай?
Колыным, ялгыз калыр икәнсең.
Күземнең яше коргамас,
Кысыр мэдэт теләдем.
Хатәмтайдай юмартсың,
Арысландай адусың,
Хамзәдәен пәлвансың,
Галинең Гали углысың...»
[7, б. 214].

«То, поверь, был сам Газазил! ...
Жеребеночек, мой, сынок,
Будешь ты без меня одинок.
Хатам-Тая, мой сын, ты щедрей,
Льва стремительней и быстреей,
Ты – Хамзы отважней и добрей,
Ты и сына Али храбреей...»
[6, б. 212].

Упомянутые в отрывке Хамза, Гали – сахаба пророка Мухаммада. Как литературный образ, Али более полно раскрыт в дастане «Кисекбаш китабы». В эпосе «Идегей» имеется только краткое упоминание его имени.

Следующий религиозный образ из отрывка – Газазил. Н. Исанбет дает следующее определение: «райское имя черта (иблиса)». Следует обратить внимание на тот факт, что в исламском мире укоренился культ святых. Это нашло отражение и в произведениях устного народного творчества, в том числе и в дастанах. В дастане «Идегей» есть упоминание и ангела смерти в исламской религии Азраила:

«Әжәл туры килмәсә,
Азраел корык салмаса,
Әле дә булса, Туктамыш
Синнән калыр картыңмын» [7, с. 61].

«Если ж мой смертный час не пробил,
Если забыл обо мне Азраил,
... Некогда жил хан Токтамыш
Я – переживший его старик» [6, с. 57].

Несколько раз в эпосе встречаются сравнения главных героев Идегея и Нурадына с ангелами:

«Пәигамбәрнең кияве
Галидәен нурлы углым.
Фирештәдәй битле улым,
Биек рәүгә төсле улым»
[7, с. 208].

«Ты – безгрешный Али среди людей,
Ты – как зять пророка, мой сын!
Ты – опора живая моя,
Ликом с ангелом схож, мой сын»
[6, б. 206.].

«Фәрештәдәен атам,
Һәр эштә даим атам»
[7, с. 210].

«Вижу я твой ангельский лик,
Что б не делал, – всегда ты велик»
[6, б. 208.].

Другие персонажи тоже часто сравниваются с ангелами и гуриями. Например, Акбеляк – сидит как гурий [6, с. 73]. Это является доказательством, что религиозные образы широко использовались в речи народа этого периода. Как средства художественной выразительности они придают особый колорит и звучание эпосу.

«Дога» (молитва) является неотъемлемой частью религии. В эпосе нет молитвенных текстов, но тем не менее несколько раз встречается призыв совершить молитву. В варианте «Идеге батыр» особое место занимает «дога кылу» мольба. В данной версии молитва предшествует каждому действию: суфий обращается к Всевышнему с просьбой иметь сына – рождается ребен-

нок, но из-за того, что ребенок мешает совершать молитву, он оставляет ребенка старушке и уходит дервишем; Токтамыш-хан, прочитав письмо родителей с того света тоже совершает молитву со словами: «Йэ Ходам, мин хэзер үлсэм, ата-анама булган мондый яхшы тормыш миңа да, гаиләмә дә булыр бит»¹⁰ (Перевод: Господи, если я умру, у меня и у моей семьи будет ли такая хорошая жизнь, которая была у родителей). Перед дорогой Нурадын просит свою мать прочитать молитву. «Юл догасы» – молитва в дорогу. Герои придают большое значение данной молитве. Благодаря ей они получают благословение новым начинаниям, своим деяниям.

Следует так же обратить внимание на Хызра – традиционного образа во многих сказках и легендах тюркских народов. Хызр правит на земле и в воде. В некоторых случаях встречается имя Хозыр Ильяс. Ильяс – главенствует в пустыне. В литературных произведениях Хызр (Ильяс) используется во взаимосвязи с дорогой. В казахском фольклоре сохранилось поверье, что каждый встречает его в своей жизни три раза. Но из-за того, что он появляется в разных обликах, он неузнаваем. Если узнав, попросив у него счастья, он способен осчастливить на всю жизнь. К сожалению, никто не может достичь этого.

Узбекский народ связывает образ Хызра с культом успеха. В татарском фольклоре он изображается помощником путников и карателем (Сказки «Көтүче», «Аучы углы», дастаны «Ак кубек», «Тахир-Зухра», «Туляк» и др.). Упоминание о Хызре в дастане «Идегей» в связи с дорожной молитвой еще раз подтверждает, что это традиционный мотив, занявший свое место в устном народном творчестве. Ф.И. Урманчеев обращает внимание на тот момент, что в тюркской литературе Хызр появляется неожиданно и всегда помогает эпическим героям избежать несчастных случаев» [23, с. 77].

Образ Хызра упоминается и в дастане. Недаром Идегею желают, чтобы его сопровождал Хызр. Пройдя непростой жизненный путь, полный различных препятствий герою нужно много сил, чтобы преодолеть все трудности. Руководствуясь религиозно-символической концепцией, можно сделать вывод, что верность религиозным догматам, неотклонение от выбранного пути, распространенное среди тюркских народов поклонение единому Божеству может служить косвенным подтверждением гипотезы о Хызре.

В версии деревни Минзелябаш «Иделби и Бодайби»¹¹ упоминается сахаба по имени Талха Зубаир. Следует отметить, что больше ни в одном из татарских вариантов мы не встречаем этого образа. «В данном отрывке под именем Иделби выступает Идегей» [14, с. 808]. Данные имена упоминаются в воспоминаниях Ал-Гарнати, где сообщается о том, что Аллах направляет трех сахаба к Айдар хану. Их имена: Абдрахман ибн Зубаир, Зубаир ибн Джагъда и Тальха ибн Гусман [5, с. 25–27]. Они представляются врачами и лечат многих людей. В это время заболевает дочь хана Гуйбикя. Они подсказывают, как можно ее вылечить. С помощью молитв и определенных ритуалов, девушка поправляется. Став очевидцем этого чуда, народ начинает принимать ислам. Сахабы проживают в Булгаре 3 года, учат исламским канонам, постулатам Корана, открывают медресе, строят мечети. Через три года, двое уезжают в Медину. Зубаир ибн Джагъда остается и женится на дочери хана,

¹⁰ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф.52. Оп.1. Единица хранения 198.

¹¹ ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф.52. Оп.1. Единица хранения 189.

умирает через 25 лет [5, с. 37]. Есть предположение, что в дастане речь идет именно об этой личности.

Примечательно, что в устном народном творчестве встречается много персонажей, связанных с исламской религией. А.Х. Садекова отмечает, что пророки, сахаба, халифы, праведники и сподвижники ислама становятся популярными персонажами фольклора и литературы и неотъемлемой частью обрядового фольклора [16, с. 94]. Уникальные образцы народного творчества, в том числе и дастан «Идегей», являются подтверждением этому.

В заключении можно отметить, что по сравнению с мифологическим слоем, религиозный пласт в эпосе не так богат, в целом даже та использованная часть имеет значимую смысловую нагрузку. Эти мотивы не повествуют об отношении людей той эпохи к религии, но способствуют пониманию религиозно-философских и нравственных взглядов, показывают какое место занимает религия среди простых людей. В эпосе исторические судьбы людей, духовные и нравственные ценности, пропущены через призму исламского мировоззрения и соединены эпическими традициями создавая культурную и духовную целостность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В.В. Отец Едигея. Сочинения. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. 804 с.
2. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989. 649 с.
3. Жирмунский В.М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей» // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. 174-176 с.
4. Жирмунский В.М. Народный героический эпос. М.-Л: Гослитиздат. 1962. 435 с.
5. Закирова И.Г. Болгар чоры халык ижаты. Казан: Фикер, 2003. 144 б.
6. Идегей. Татарский народный эпос. Пер. С. Липкина. Казань: 1990. 256 б.
7. Идегэй: Татар халык дастаны. Казан: Татар. кит. нәшр. 1994. 255 б.
8. Исәнбәт Н. Татар халык эпосы «Идегэй» дастанының 500 еллыгы // Совет әдәбияты. 1940. №11–12
9. Ислам. Белешмә-сүзлек. Казан: ТКН, 1993. 192 б.
10. Каменева М.Б. Исламские мотивы и образы в русской литературе 20–30-х годов XIX века. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2014. 155 с.
11. Климович Л.И. Книга о Коране, его происхождении и мифологии. М.: Политиздат, 1988. 286 с.
12. Коръән Кәрим китабы (тәфсире һәм укылышы белән). Казан: Иман. 2024. 576 б.
13. Мелиоранский П.М. Сказание о Едигее и Токтамыше. Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч.Ч. Валиханову. Издал проф. П.М. Мелиоранский // ЗРГО ОЭ. Прилож. к тому XXIX. СПб.: Типо-литография И. Боранского и Ко, 1905. 23+44 с.
14. Миргалеев И.М., Фазлутдинов И.И., Закирова И.Г. К вопросу об изучении татарских вариантов эпоса об Едигее // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 792–816. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-4.792-816> EDN: IKMIIA
15. Кыйссасел-әнбия. Пәйгамбәрләр тарихы. Казан: Дом печати. 2003. 340 с.
16. Садекова А.Х. Идеология ислама и татарское народное творчество. Казань: Фикер, 2001. 208 с.

17. Сайфетдинова Э.Г. Мусульманская культура Золотой Орды по сведениям средневековых арабских источников. *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(3). С. 689–702. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-3-689-702>

18. Сайфетдинова Э.Г. Религиозные традиции Улуса Джучи (на материале произведений золотоордынской эпохи «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара и «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари) // Исламский фактор в интеграционных процессах Великого Шелкового пути. Материалы II Международной научно-богословской конференции «Духовный Шелковый путь. Созидание. Интеграция» (Болгар-Казань, 3–5 сентября 2017 г.) / Сост. и отв. ред. И.М. Миргалеев. М.-Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; 2018. С. 51–57.

19. Самойлович А.Н. Вариант сказания о Едигее и Токтамыше, записанный Н. Хакимовым / Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. С. 186–211.

20. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: ТКН, т 2,3. 1979, 1981. 726 б.

21. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. 566 с.

22. Урманче Ф.И. Народный эпос «Идегей». Казань: Фэн, 1999. 200 с.

23. Урманчиев Ф.И. Героический эпос татарского народа. Казан: ТКН, 1984. 310 с.

24. Урманчиев Ф.И. Татар халык ижаты. Казан: Мәгариф, 2002. 336 б.

25. Урманчиев Ф.И. Дастаннарга лаек замана. Казан: 1990. 220.

26. Ханзафаров Н. «Идегей» фажигасе хакында // Мирас, 1996 №12. б. 48–50.

27. Ярми Х. «Идегей» дастаны // Совет әдәбияты. 1940. № 5/6. Б. 163–178.

REFERENCES

1. Bartold V.V. Father of Edigu. Essays. Vol. 2, Part 1. Moscow: 1963. 804 p. (In Russian)

2. Gumilev L.N. Ancient Russia and the Great Steppe. Moscow: Mysl, 1989. 649 p. (In Russian)

3. Zhirmunsky V.M. Melioransky and the study of the epos “Edigu”. *Turkological collection*. Moscow: 1973, pp. 174–176 p. (In Russian)

4. Zhirmunsky V.M. Folk heroic epic. Moscow: Goslitizdat, 1962. 282 p. (In Russian)

5. Zakirova I.G. Bolgar era folk epos. Kazan: Fiker, 2003. 144 p. (In Tatar)

6. Idegey. Tatar folk epos. Translated by S. Lipkin. Kazan: 1990. 256 p. (In Russian)

7. Idegay: Tatar folk dastan. Kazan: Tatar Book Publ., 1994. 255 p. (In Tatar)

8. Isanbat N. To the 500th anniversary of the Tatar folk epos “Edigu”. *Soviet literature*. 1940, no. 11–12, (In Tatar)

9. Islam. Dictionary-reference book. Kazan: Tatar Book Publ., 1993. 192 p. (In Tatar)

10. Kameneva M.B. Islamic motives and images in Russian literature of 20–30s of the 19th century. Bishkek: Kyrgyz Russian Slavic University, 2014, 155. 27 p. (In Russian)

11. Klimovich L.I. A book about the Koran, its origin and mythology. Moscow: Politizdat, 1988. 286 p. (In Russian)

12. Koran (with explanations and reading rules). Kazan: Iman, 2024. 576 p. (In Tatar)

13. Melioransky P.M. The Legend of Edigu and Toktamys. Kyrgyz text based on a manuscript that belonged to Ch.Ch. Valikhanov. *Zapiski russkogo geograficheskogo obshchestva*. St. Petersburg: Tipo-litografiya I. Boranskogo i Ko., 1905, pp 23–44. (In Russian)

14. Mirgaleev I.M., Fazlutdinov I.I., Zakirova I.G. On the question of studying Tatar variants of the epos about Idegey. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 792–816. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-4.792-816> EDN: IKMIJA (In Russian)

15. Kyssasel-enbiya. *History of the prophets=Paygambarlar tarihiy*. Kazan: Dom pechati, 2003. 340 p. (In Tatar)
16. Sadekova A.Kh. Ideology of Islam and Tatar folk art. Kazan: Fiker, 2001. 208 p. (In Russian)
17. Sayfetdinova E.G. Muslim culture of the Golden Horde according to medieval Arab sources. *Minbar. Islamic Studies*. 2019, no. 12 (3), pp. 689–702. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-3-689-702> (In Russian)
18. Sayfetdinova E.G. Religious traditions of Ulus Jochi (on the materials of the works of the Golden Horde era “Qalandar-name” by Abu Bakr Kalandara and “Nahj al-Faradis” by Mahmud al-Bulgari). Islamic factor in integration processes of the Great Silk Road. Materials of II International scientific and theological conference “Spiritual Silk Road. Creation. Integration”(Bulgar-Kazan, September 3–5, 2017) Moscow-Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018, pp. 51–57. (In Russian)
19. Samoilovich A. N. Variant of the legend about Edigu and Toktamys, recorded by N. Khakimov. *Turkic collection*. 1973, pp. 186–211 (In Russian)
20. Tatar explanatory dictionary. Vol. 2, 3. Kazan: Tatar Book Publ., 1979, 1981. 726 p. (In Tatar)
21. Tizengauzen V.G. Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Vol. 1. St. Petersburg, 1884. 566 p. (In Russian)
22. Urmanchev F.I. Folk epos “Edigu”. Kazan: Fan, 1999. 200 p. (In Russian)
23. Urmancheev F.I. Heroic epic of the Tatar people. Kazan: Tatar Book Publ., 1984. 310 p. (In Russian)
24. Urmancheev F.I. Tatar folk art. Kazan: Magarif, 2002. 336 b. (In Tatar)
25. Urmancheev F.I. An era worthy of dastans. Kazan: 1990. 220p. (In Tatar)
26. Khanzafarov N. About the tragedy of “Edigu”. *Miras*. 1996, no. 12, pp. 48–50. (In Tatar)
27. Yarmi X. “Edigu” dastan. *Soviet literature*. 1940, no. 5/6, pp. 163–178. (In Tatar)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фарида Мансуровна Валиуллина – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики преподавания иностранных языков Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета (420021, ул. Татарстан, 2, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-0893-6853. E-mail: farida1@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Farida M. Valiullina – Cand. Sci. (Philology), Assistant Professor of the Department of Theory and Practice of Teaching Foreign Languages, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga region) Federal University (2, Tatarstan Str., Kazan, 420021, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-0893-6853. E-mail: farida1@bk.ru

Поступила в редакцию / Received 04.04.2024

Поступила после рецензирования / Revised 17.07.2024

Принята к публикации / Accepted 28.10.2024